

Театральный ребе

Умер Борис Зингерман,
историк и теоретик театра

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Не стало Бориса Зингермана. С его уходом что-то важное обрушилось в нашем театральном мире. Ушел не просто блестящий ученый и писатель. Ушел один из самых благородных людей театрального цеха, один из последних носителей авторитетного слова. Он эти слова экономил, не суетился, — накапливал. Не выезжал за пределы страны. Превратил свою квартиру в подобие яснополянской усадьбы. Там он учил жить. Ноги болели, под них ставилась скамеечка, и грузный, трудно дышащий человек ронял простые и точные слова, словно было у него секретное поручение следить за тем, как мы развиваемся, живем и пишем. Его слово, устное или письменное, было отшлифовано. Он был одержим емкой красотой стиля, покоящегося на серьезном знании, — унаследовал это от своих учителей Дживелегова, Абрама Эфроса и Бояджиева. Любил праздничную риторику театральной речи, ее неожиданные повороты и парадоксы. Широко использовал живо-

писную технику «лессировки», когда один слой краски просвечивает сквозь другой, на него наложенный. Он великолепно владел этой словесно-живописной техникой, которая позволила ему многое прояснить в приключениях театральной мысли века. Писал о Мейерхольде и Брехте, Любимове и Пикассо, Стриндберге и Ибсене. Его статья «Время в пьесах Чехова» — может быть, самое проникновенное, что я читал об авторе «Чайки». Он сумел рассказать, как чеховский человек живет во времени, извлекает радость из страдания, научается принимать жизнь. Теперь у гробовой доски эта давняя работа представляется еще и автопортретом самого Зингермана.

Есть поэты для поэтов. Но есть и критики для критиков. К слову Бориса Зингермана прислушивались все мало-мальски стоящие люди, пишущие о театре в России. К нему прислушивались лучшие режиссеры России. Если хотите, он был последним театральным ребе в нашем полуоглошшем театральном сообществе.

Место вакантно, претендентов нет.

Известия. — 2000. — 18 нояб. — с. 8